

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Е.П. Аквилонов

Разгневанному возражателю:

ответ на статью о. А.Ю. Гриневича:
«Ещё о панихидах над иноверцами»

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1907. № 1. С. 100-116.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбДА
Санкт-Петербург
2009

Разгнѣванному возражателю

(Отвѣтъ на статью о. А. Ю. Гриневича: „Еще о паннихидахъ надъ иновѣрцами“, см. „Вѣстникъ Военн. Духовен.“ 1906 г., № 19).

НЕ ВЪ ДОБРЫЙ ЧАСЪ, назадъ тому восемь мѣсяцевъ (см. „Хр. Чт.“, апрѣльск. кн., за текущій годъ, стр. 603), выражено было мной искреннее желаніе „выслушать *основательный и безпристрастный* приговоръ“ насчетъ истинности моихъ сужденій о недозволительности служенія православнымъ духовенствомъ паннихидъ въ храмахъ по усопшихъ иновѣрцахъ-христіанахъ. Въ поименованной статьѣ о. А. Ю. Гриневича, правда, изреченъ пространнѣй (на девяти страницахъ), но только и не основательный, и не безпристрастный приговоръ. Откровенно говоря, еще ни одного раза не приходилось мнѣ встрѣчаться съ такимъ оппонентомъ, въ полемическомъ арсеналѣ котораго все приведено въ полный разгромъ. Неоднократно читалъ и перечитывалъ я направленные противъ меня гнѣвные строки и, чѣмъ внимательнѣе относился къ нимъ, тѣмъ болѣе изумлялся необыкновенному сочетанію въ нихъ алогичности съ безграмотностью и кипучей досады съ крайнею скудостью свѣдѣній рѣшительно во всѣхъ отрасляхъ богословской науки. Зато сколько безграничной самоувѣренности, зато какая рѣшительность въ приговорахъ и фанатическая нетерпимость къ неугоднымъ мнѣніямъ! Какъ и въ прошлый, такъ и въ настоящій разъ, о. Гриневичъ выступаетъ весьма страстнымъ защитникомъ церковно-паннихидныхъ моленій по иновѣрцахъ-христіанахъ. Подобно всякому, погруженному въ неотвязчивую *idée fixe*, ревностный совершитель паннихидъ по иновѣр-

цахъ какъ бы обоняетъ кадильный дымъ, даже, и тамъ, гдѣ обыкновенный смертный вдыхаетъ въ себя цвѣточный ароматъ, и слышитъ погребальный звонъ, для здороваго слуха являющийся только призывомъ къ обычной церковной молитвѣ. Короче говоря, весь полемическій строй о. Гриневича свидѣтельствуеетъ о своего рода *kanonikodoraxia* въ смыслѣ ея главнаго Leitmotiv'a.

Горячій поборникъ строжайшей логики и неумолимый обличитель кажущагося ея отсутствія въ моей статьѣ, о. Гриневиць сумѣлъ аттестовать себя такимъ мыслителемъ, сравняться съ которымъ, дѣйствительно, трудно и, тѣмъ еще болѣе, превзойти котораго рѣшительно невозможно. Въ этомъ отношеніи нашъ оппонентъ исключительно—*безподобенъ* и „славы своея никомуждо дастъ“. „Не будемъ больше отвѣчать прот. Е. Аквилонovu на его остроты“, даетъ себѣ обѣтъ о. Гриневиць,—„обратимся къ содержанію крайне спутанной статьи, насколько (начало безграмотности о. Г—ча) оно касается насъ, какъ оппонента его (?) по первой статьѣ“ (стр. 584). И вслѣдъ затѣмъ: „послѣ краткаго вступленія, въ которомъ авторъ похваляется стойкостью и обдуманностью своихъ взглядовъ, а также умѣніемъ потѣшиться ѣздой на тройкѣ оппонентовъ, о. Е. А—въ выступаетъ съ разсужденіемъ собственно по адресу проф. В. Соколова“... Потерявъ „адресъ“ для *своихъ* мыслей, о. Гриневиць цѣлой страницей, посвященной напрасной защитѣ проф. В. А. Соколова (вѣдь это выходитъ уже за границы „насъ“), вступилъ, такъ сказать, въ преддверіе „своей“ логики. „Для живыхъ людей и для живыхъ вопросовъ“, замѣчаетъ по моему адресу о. Г—чь, „у нашего критика какаля-то, значить, особая логика“ (стр. 585). И настолько ясная и простая, добавлю отъ себя, что только надо удивляться, какъ ея не понялъ возражатель. „Живыхъ Церковь молитвенно зоветъ къ покаянію“, какъ о томъ сказано было мной въ свое время („Хр. Чт.“, стр. 599), „а отшедшихъ въ тотъ міръ предоставляетъ милосердію Божию“. По вопросу о различіи молитвъ за живыхъ отъ молитвъ за умершихъ (разумѣя въ обоихъ случаяхъ иновѣрцевъ) были приведены убѣдительныя свидѣтельства изъ св. писанія съ преданіемъ, а такъ же изъ литургійныхъ молитвословій и изъ церковной практики. Не только можно было изъ нихъ видѣть, но, даже, *нельзя было не видѣть* ярко-бросающагося въ глаза различія между тѣмъ и другимъ видами церков-

ной молитвы, причемъ, по прямому смыслу общеобязательнаго для всѣхъ православныхъ христіанъ „правила вѣры“, указывалось на нравственный долгъ молиться „за вся“ (находящіеся въ земномъ странствованіи) „человѣки, за Царя и за вся, иже во власти суть“, и на отсутствіе такого долга по отношенію къ тѣмъ же лицамъ послѣ отшествія ихъ изъ этого міра. Такъ, дѣйствительно, для живыхъ людей оказалась не по моей прихоти, а по непогрѣшительному разуму церкви, „особая“ логика, къ сожалѣнію, пока еще тщетно „толкующая“ при дверяхъ стропотнаго оппонента. Если о. Гриневичъ не удовлетворяется, даже, и общецерковной логикой, или „правиломъ вѣры“, то едвали еще кто другой на свѣтѣ выдержитъ экзаменъ предъ „испытующей мыслью“ („Вѣсти. В. Дух.“, стр. 589) столь „современнаго человѣка“: послѣдній одинокъ съ своей логикой,—одинокъ и, тѣмъ не менѣе, вседозволенъ! Что же касается *моей* логики, то, назвавъ ее „особой“ логикой, о. Гриневичъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы сожалѣеть о томъ, что она „не оригинальна“ и заражена примѣромъ „трактирной“ (стр. 585), доподлинно—извѣстной ему, логики. Кромѣ того, критикуемая возражателемъ логика называется „логикою о. Аквилонова“ (стр. 590), „спеціальною“ и „своеобразною“ (стр. 588). Но, если критикуемая о. Г—мъ логика „своеобразна“, „спеціальна“, и если она является „логикой о. А—ва“, то, слѣдовательно, и оригинальна; если же она „не оригинальна“, то не есть только „логика о. А—ва“, не „спеціальная“ и не „своеобразная“; если сродни „трактирной“, то не о. А—ва, который, воздавая должную честь познаніямъ возражателя на этотъ счетъ, самъ не прибѣгалъ еще къ ей („трактирной“ логики) любезнымъ услугамъ; если „особая“, то не неоригинальная. И подивисься, въ концѣ концовъ, великому чуду: какъ только уцѣлѣла еще на плечахъ такая голова, на которую палъ тяжкій жребій—приложить къ одному и тому же субъекту столько взаимоисключающихъ предикатовъ. Но что было-бъ смертельнымъ ударомъ для всякой другой логики, то для о. Гриневича служить свѣтлымъ ореоломъ славы: „блаженъ кто вѣруетъ: тепло ему на свѣтѣ!“

Достоинной спутницей вышеупомянутой логики возражателя является его выдающаяся *безграмотность*. Считаю необходимымъ отмѣтить эту въ высшей степени характерную для самомнительнаго возражателя черту: въ ней обнаружи-

вается его незаурядная грамматическая ницета, которая (почему знать?), быть можетъ, представляется ему такъ же приличной, какъ болтающіеся лохмотья—итальянскимъ лаццароне. „Всеми насъ учить *жизненный* опытъ“, заявляетъ (стр. 586) о. Гриневиць, съ чѣмъ я согласенъ, исключая изъ „всего“ только одно: „жизненный“ приложимо, наприм., къ эликсирю, къ силѣ и т. п., но только не къ опыту, который называется обыкновенно „житейскимъ“. „На противъ“, „самаго“ о. А—ва (тамъ же); „человѣкъ, какъ бы онъ не назывался,—это пустое“ (стр. 588); „ratio legis—это есть смыслъ закона, его фокусъ, въ которомъ запроектировано законодателемъ *скрещеніе* идеала съ жизнью“ (тамъ же). О „скрещеніи“ принято говорить только по отношенію къ животному царству (конюшенный терминъ), но никакъ не къ идеалу съ жизнью.—„Мы соотнесли выдвинутый практикою церкви вопросъ къ основнымъ требованіямъ христіанства въ Св. Писаніи“ (стр. 587).—„Подъ принципіальнымъ (но не единственнымъ, какъ думаетъ о. Аквилоновъ) взглядомъ, можно понимать взглядъ (*idem per idem!*) на извѣстный предметъ съ *такой или иной болѣе или менѣе общей точки зрѣнія*“ (стр. 587). Большую премію слѣдовало бы назначить такому мудрецу, который осилилъ бы приведенную выдержку: что до меня, то послѣдняя представляется мнѣ безсмысленною абракадаброй—и только.—Упомянувъ объ указанныхъ мною двухъ теченіяхъ въ богословской мысли по спорному вопросу, о. Г—чъ полагаетъ, что „эти теченія не такъ были бы диаметрально-противоположны (дивная конструкція!), если бы наши противники съ большимъ вниманіемъ отнеслись къ источнику истины—Св. Писанію и главное, если бы не обостряли полемику, обобщая эту борьбу съ борьбою между прогрессомъ и реакціей во внѣ-церковномъ мірѣ, къ чему (?), повидимому, склоненъ и о. Аквилоновъ“ (стр. 592). Опять темно и непонятно, логически неуклюже и грамматически неправильно. Но, видно, „сіе же все бысть, да исполнится слово писанное: яко не познахъ книжная“ (Пс. 70, 15).

Третій „смертный грѣхъ“ полемиста состоитъ въ совершенномъ *неразумѣніи* того, о чемъ и что онъ пишетъ. Подобно человѣку, вдругъ потерявшему какую либо драгоценную вещь и пустившемуся въ тревожные за нее поиски, о. Гриневиць готовъ положить свою душу за то только, чтобы отыскать,—очевидно, утраченное имъ (если только онъ

когда нибудь имѣлъ) *ratio legis*. Эти два латинскихъ слова представляютъ собой всецѣло полонившую о. Гриневича *idée fixe*, съ которою и носится онъ безнадежно на пространствѣ всей своей статьи. Нигдѣ нѣтъ приюта бѣдному скитальцу. Св. Писаніе не вмѣщаетъ въ себѣ искомое *ratio*; нѣтъ ему мѣста такъ же и въ Св. Преданіи: не вѣдаютъ такого резона ни литургійныя молитвы, ни свв. отцы церкви, ни церковная исторія, включительно до неприятнаго о. Гриневичу синодальнаго опредѣленія (и постановленія предсоборной комиссіи) насчетъ *недозволительности* служенія церковныхъ панихидъ по скончавшихся иновѣрцахъ-христіанахъ. Чуть не по всякому поводу, благовременнѣ и безвременнѣ, твердить мой оппонентъ о *ratio legis* (выраженіе употреблено въ статьѣ одиннадцать разъ), подобно Акиму изъ „Власти тьмы“, постоянно вставлявшему въ свою рѣчь пресловутое „таё—таё“,—очень усердно ищеть, но, къ сожалѣнію, только не обрѣтаетъ искомага. Подлинно,

Ratio legis
Pastori gregis
Non datur,

т. е., по вольному переводу,

Смысль закона
 Для отца Антона
 Непостижимъ.

И, что особенно замѣчательно, самъ же ищущій многократно подтвердилъ для себя непостижимость искомага *ratio*. Мнѣ думается, что полемическое кораблекрушеніе о. Гриневича произошло отъ крайне-страннаго взгляда полемиста на душевный міръ, въ которомъ не тѣсно всякимъ заблужденіямъ и порокамъ, за то совершенно нѣтъ мѣста для искомага *ratio legis*. Если бы, дѣйствительно, оказался въ такомъ положеніи мой оппонентъ (къ сожалѣнію, да, онъ находится въ такомъ положеніи), то, даже, и самое искреннее сочувствіе къ послѣднему еще никого не обязывало бы къ антипсихологическому отрицанію за собой разумно-нравственнаго права—быть *носителемъ* разсматриваемаго *ratio legis*. Вѣдь не въ воздушномъ же пространствѣ носится смыслъ закона, а непремѣнно находится въ умѣ всякаго здравомыслящаго человѣка, составляя его самое дорогое и неотъемлемое достоинство. На зарѣ своего душевнаго развитія человѣкъ опирается,

главнымъ образомъ, на сторонній авторитетъ; но въ ясный полдень сознательной жизни онъ является уже господиномъ положенія: „женѣ же глаголаху, яко не ктому за твою бесѣду вѣруемъ: *сами бо слышахомъ и вѣмы*, яко Сей есть воистинну Спасъ міру, Христосъ“ (Іоа. 4, 42). Но это писано не про о. Гриневича, потому что, въ противномъ случаѣ, онъ не упрекалъ бы меня, даже, и въ томъ, что я „построилъ рѣшеніе вопроса на *буквальномъ* значеніи опредѣленія Св. Синода“ (стр. 587). Интересно было бы знать, на *какомъ*, именно, пониманіи церковныхъ постановленій опочилъ самъ возражатель: ужъ не слѣдуетъ ли онъ „пневматическому“ смыслу и толкованію ихъ? Если да, то этимъ пониманіемъ открывается самый широкій просторъ капризному произволу со стороны подчиненныхъ по отношенію къ церковной власти: она будетъ требовать буквальнаго пониманія издаваемыхъ распоряженій, а пневматики предпочтутъ витать въ области всякихъ фантазій, оправдываясь мнимодуховнымъ толкованіемъ закона. Вотъ, до чего можно договориться въ полемической горячкѣ!

Но и этого оказалось все еще мало для о. Гриневича. На той же самой страницѣ, обличивъ меня „за ругань (?)“ косвенно даже по адресу того самаго митр. Филарета, мнѣніе котораго принято“ (положено?) мною „въ основу статьи“, теперь, почему-то вдругъ проникнутый почтеніемъ къ московскому первосвятителю, странный возражатель цѣпляется, какъ утопающій за соломинку, за разрѣшеніе упомянутымъ владыкой поминовенія иновѣрцевъ, даже, на проскомидіи (содержащееся въ письмѣ м. Филарета къ нѣкому Виталію). Итакъ, Филаретъ, какъ авторъ единственнаго частнаго письма, предпочтенъ Филарету—члену Св. Синода и составителю, по особому порученію Высшей Церковной Власти, оффиціального доклада, послужившаго основаніемъ для послѣдующихъ синодальныхъ указовъ по разсматриваемому предмету. Неужели о. Гриневичъ, называющій мои разсужденія „молодо-самоувѣренными“ (стр. 588), свои считаетъ порожденіемъ мастито-мудрой старости? А, по-моему, здѣсь обнаруживается одно лишь, до неприличія грубое, издѣвательство надъ здравымъ смысломъ, причемъ безутѣшный искатель смысла закона самъ росписался въ его бессмысленномъ и, въ лучшемъ случаѣ, безсознательномъ искаженіи: не вѣдалъ-бо, что творилъ.

Само собою разумѣется, что и въ настоящемъ случаѣ, какъ и во всѣхъ ему подобныхъ, неизмѣннымъ спутникомъ невѣжественной полемики явилось непомѣрное *высокомѣріе* велерѣчиваго автора, который хочетъ „заставить“ кого-то „раньше или позже, прямо или косвенно, но неизбѣжно поднять вопросъ о *ratio legis*“ (стр. 586),—не правда ли: слогъ Высочайшаго манифеста?! „Испытующая мысль современнаго человѣка (замѣчайте полемическое *crescendo*) не затруднится подвергнуть безпощадной критикѣ мнѣніе митрополита Филарета (.) и трудно предсказать, каковъ будетъ результатъ этой критики“ (стр. 589). Мнѣ думается, что теперь, наоборотъ, очень легко удостовѣриться въ исполненіи надъ самимъ критикомъ мудрыхъ словъ библейскаго Виллада: „упованіе его подсѣчено, и увѣренность его—гнѣздо паука“ (Іов. 8, 14). Причисливъ себя къ „людямъ дѣла“, о. Гриневиичъ какъ бы предоставляетъ несогласнымъ съ нимъ именоваться людьми бездѣлья и, пожалуй, не ошибется въ своемъ приговорѣ, если только добавитъ ближайшее опредѣленіе къ слову: „дѣла“, именно: „паннихиднаго“ дѣла, ненужнаго, противозаконнаго и безсмысленнаго въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ оно совершается,—не къ чести какъ самихъ паннихидослужителей, такъ и той Церкви, служителями которой они состоятъ. Но, что касается брошеннаго мнѣ о. Гриневиичемъ упрека въ томъ, будто я „игнорировалъ показанія жизни и даннаго опыта“ (стр. 586), то въ моемъ распоряженіи документальныя данныя для обличенія возражателя въ завѣдомой *неправдѣ*. Вотъ мои доказательства: 1) я осудилъ не фантастическую, а „*опытно-данную*“ паннихиду по римско-католическомъ канѣ, опираясь 2) на *дѣйствительныя*, а не воображаемые церковныя каноны, 3) на *подлинныя* мнѣнія митрополита Филарета и преосвященнаго Теофана—знаменитаго православнаго экзегета, глубоко-образованнаго богослова и строгаго подвижника, и 4) на цѣлый рядъ указовъ Св. Синода по взятому предмету—опять *дѣйствительныхъ* и *дѣйственныхъ* въ православно-церковной практикѣ, за исключеніемъ развѣ только тѣхъ приходовъ, въ которыхъ священнодѣйствуютъ подобные о. Гриневиичу служители алтаря; 5) полемизирую противъ *дѣйствительныхъ*, а не воображаемыхъ возражателей; 6) утверждаю, на основаніи *жизнейскаго опыта*, что православныя люди смущаются паннихиднымъ ласкосердіемъ по отношенію къ инославленнымъ-христіанамъ,

7) ссылаюсь на современную *практику* въ константинопольской патриархіи и т. п. Неужели, въ виду приведенныхъ мною данныхъ, можно, по совѣсти и во имя здраваго смысла, утверждать о моихъ статьяхъ такую вопіющую небылицу, какую безцеремонно соткалъ мой разгоряченный противникъ? Если и можно, то, во всякомъ случаѣ, не должно.

По какому, спрашивается далѣе, откровенію узналъ о. Гриневичъ о томъ, что синодальные указы—*временная мѣра*? По сравненію съ вѣчностью, конечно, временная, но такая, которая органически связана съ неизмѣнной *природой* самой православной церкви. Кто сказалъ о. Гриневичу обо мнѣ, какъ о такомъ авторѣ, „который самъ сомнѣвается въ цѣлесообразности своего сужденія?“ (стр. 584). Наоборотъ, больше, чѣмъ сколько полагаетъ оппонентъ, я *увѣренъ* въ этой цѣлесообразности, правда, съ одною оговоркой: не для такихъ, какъ мой возражатель, читателей моей полемики, а для людей законсообразнаго дѣла и строго-церковныхъ воззрѣній. Вѣдь не всѣ же солидарны съ о. Гриневичемъ, и не всюду въ женскихъ монастыряхъ обрѣтаются такія, какъ выведенная моимъ возражателемъ, матушки-игуменьи!

Слѣдующимъ смертнымъ грѣхомъ со стороны о. Гриневича является его *патологически - неправильная экзегетика*. Зараженный насквозь панихидоманіей, онъ чуть не въ каждомъ стихѣ Св. Писанія видитъ указаніе на долгъ православнаго пастыря служить панихиды по иновѣрцахъ. Говорю не въ шутку, а вполне серьезно: откройте, напримѣръ, первую главу книги Бытія, и о. Гриневичъ въ словахъ перваго стиха: „въ началѣ сотвори Богъ небо и землю“ непременно отыщетъ указаніе на упомянутый долгъ. Въ настоящемъ случаѣ попрошу говорить за меня славнаго Эразма Роттердамскаго. Въ своемъ безсмертномъ произведеніи: „Похвала Глупости“ ученый гуманистъ выводитъ на сцену одного проповѣдника, который „начавъ съ азбуки, перешелъ къ словамъ, потомъ къ частямъ рѣчи, затѣмъ повелъ рѣчь о согласованіи именъ и глаголовъ, существительнаго и прилагательнаго. Многіе изъ слушателей уже начинали недоумѣвать и бормотали про себя: къ чему клонится вся эта чепуха? Но вскорѣ дѣло разъяснилось. Оказалось, что элементы азбуки и грамматики содержатъ въ себѣ символическое отображеніе Троичности“ (*Эразмъ Роттердамскій, Похвала Глупости, рус. пер. профес. Н. П.*

Ардашева, Юрьевъ, 1902, стр. 118). А вотъ и данныя: о. А. Гриневиць ссылается на два мѣста изъ кн. Бытія: въ одномъ изъ нихъ (Быт. 41, 45) упоминается о томъ, какъ „нарекъ фараонъ Іосифу имя: Цафнае—панеахъ; и далъ ему въ жену Асенеоу, дочь Поти-фера, жреца Иліопольскаго. И пошелъ Іосифъ по землѣ Египетской“. Ну, кто, скажите на милость, какой здравомыслящій читатель заподозритъ въ приведенной выдержкѣ хоть что нибудь относящееся къ поминовенію усопшихъ? За то о. Гриневиць прозрѣваетъ здѣсь указаніе на панихиду. Второе мѣсто (Быт. 45, 16—20): „дошелъ въ домъ фараона слухъ, что пришли братья Іосифа; и пріятно было фараону и рабамъ его. И сказала фараонъ Іосифу: скажи братьямъ твоимъ: вотъ что сдѣлайте: навьючьте скотъ вашъ хлѣбомъ и ступайте въ землю Ханаанскую, и возьмите отца вашего“ и т. п.—и опять чудится о. Гриневичу моленіе по усопшихъ (стр. 591). Такова сила господствующей надъ человекомъ панихидной *idée fixe*! Невольно вспоминается мнѣ, по этому случаю, забавный анекдотъ, происшедшій въ саду преосвящ. Ириней (Фальковскаго, † 1823). Страстный любитель астрономическихъ наблюденій, преосвященный однажды предложилъ монашествующей братіи смотрѣть въ телескопъ. Подошелъ намѣстникъ и, посмотрѣвъ въ трубу, воскликнулъ: „дивны дѣла Господни, ваше преосвященство!“ Тоже восклицаніе вырвалось изъ устъ ризничаго, вслѣдъ за которымъ подошелъ о. казначей, такъ же подивившійся „дѣламъ Господнимъ“. Приблизился, наконецъ, одинъ изъ послушниковъ и произнесъ такое же восклицаніе. „Только въ трубу-то ничего не видно“, замѣтилъ онъ. Оказалось, что преосв. Ириней забылъ снять крышку съ телескопа (Шевляковъ, Историч. анекдоты. Спб. 1898). На телескопъ—крышка а на душевныхъ очахъ о. Гриневича—„пока еще не снятое *покрывало* при чтеніи ветхаго завѣта“ (2 Кор. 3, 14). Впрочемъ, оно даже преимуществовать предъ іудейскимъ въ томъ отношеніи, что простирается и на новый завѣтъ, въ истолкованіи котораго мой оппонентъ не имѣетъ себѣ соперниковъ.

Кто смотритъ на нагорную проповѣдь, какъ на высочайшій образецъ христіанскаго нравоученія, тотъ еще не поднялся на достигнутую о. Гриневичемъ высоту богословскаго созерцанія. Глубокомысленный критикъ о чемъ-то вопрошаетъ (стр. 587) меня, ссылаясь на одно мѣсто (Мѡ. 5, 43—48) изъ упомянутой проповѣди, а о чемъ,—рѣшительно за-

трудняюсь понять. „Какимъ образомъ“, извольте видѣть, „онъ (т. е., пишущій эти строки) находить не пустымъ занятіемъ и не наивнымъ отысканіе принципіальной основы, отысканіе принципіальнаго рѣшенія того вопроса, который принципіально и категорически рѣшенъ Самимъ Господомъ, заповѣдавшимъ любовь ко врагамъ и молитву за нихъ? Или ему непонятно и сомнительно это рѣшеніе Божественнаго Учителя?“—Отвѣчаю: понятно и несомнѣнно для меня евангельское ученіе (въ данномъ случаѣ) о любви къ ближнимъ и врагамъ, а также и о присносущномъ Источникѣ ея въ Богѣ-Отцѣ. Ясна и непреложна, далѣе, и Господня заповѣдь о молитвѣ „за обижающихъ и гонящихъ“. Но мнѣ совершенно непонятна допущенная возражателемъ небрежность въ отношеніи къ нагорной проповѣди: стоило перевернуть впередъ всего только одну страницу евангелія, чтобы прочитатъ полезнѣйшее для о. Гриневича наставленіе Спасителя: „ты же, когда молишься, войди въ комнату твою и, затворивъ дверь, помолись Отцу твоему, Который втайнѣ; и Отецъ твой, видящій тайное, воздастъ тебѣ явно“ (Мѡ. 6, 6). Проистекающее отсюда поученіе очень явно: молитесь, сколько угодно, за иновѣрцевъ *въ своихъ комнатахъ или въ келліяхъ*, служите хоть часовыя паннихиды, поминайте на нихъ не только одного, а цѣлые соборы римско-католиковъ, лютеранъ и т. п., но и довольствуйтесь однимъ этимъ. Не превращайте келейнаго моленія въ общественно-церковное, для котораго издревле существуетъ свой особый *уставъ*. Святая любовь, съ помощью которой застрявшій полемистъ надѣется вылѣзти изъ опасныхъ дебрей и не можетъ, должна быть въ христіанствѣ не слѣпою, а непремѣнно согласоваться съ „умомъ Христовымъ“ (1 Кор. 2, 16). Въ противномъ же случаѣ „всеобъемлющая (на которую къ дѣлу и безъ нужды такъ принято ссылаться въ наше время) любовь“ можетъ завести насъ въ такія приключенія, „о² нихъ же не лѣтъ есть и глаголати“.

Не такъ, какъ понимаетъ любовь о. Гриневичъ, изъясняютъ ее истые „люди дѣла“, ¹изъ числа которыхъ мой возражатель, надѣюсь, не исключить, напримѣръ, св. *Кипріана*, еписк. Карфагенскаго. Въ книгѣ „О единствѣ Церкви“ (рус. пер., Кіевъ, 1879, стр. 182) ²святитель Карфагенскій пишетъ, между прочимъ, слѣдующее: „раздоръ не можетъ удостоиться царства небеснаго и награды отъ Христа, Который сказалъ: «сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже воз-

любихъ вы» (Іоан. 15, 12). Не будетъ принадлежать Христу, кто вѣроломнымъ несогласіемъ нарушилъ любовь Христову: не имѣющій любви и Бога не имѣетъ. *Не могутъ пребывать съ Богомъ не восхотѣвшіе быть единомышленными въ Церкви Божіей*“. Приведенныя слова заслуживаютъ, думается, нѣкотораго вниманія, даже, и со стороны о. Гриневича, какъ полезное отрезвленіе отъ сколько горячихъ, столько же и одно-стороннихъ его сужденій.

Изъ другой, приводимой (стр. 590) о. Гриневичемъ цитаты (Лк. 5, 32—34): „Я пришелъ призвать не праведниковъ, а грѣшниковъ къ покаянію. Они же (т. е., „книжники и фарисеи“, ст. 30) сказали Ему: почему ученики Іоанновы постятся часто и молитвы творятъ, также и фарисейскіе, а Твои ѣдятъ и пьютъ? Онъ сказалъ имъ: можете ли заставить сыновъ брачнаго чертога поститься, когда съ ними Женихъ“?— слѣдуетъ, что нѣтъ грѣха „ѣсть и пить съ мытарями и грѣшниками“, а затѣмъ,—что и для поста бываетъ безвременье.— Третья цитата (Лк. 17, 15—19, стр. 591)—объ исцѣленіи прокаженныхъ (по о. Г—чу „прокаженнаго“),—полагаетъ возражатель, „не внушаетъ о. Аквилонovu мыслей о благодарности къ Богу и благодарителямъ“. Ужъ не за то ли я приглашаюсь благодарить Бога, что Онъ благоизволилъ такихъ-то отозвать въ загробный міръ? То правда, что за все мы должны славословить Создателя, но также несомнѣнно и другое, что уже черезчуръ много наберется такихъ благодарностей (психологически феноменальных!), если считать ихъ хотя бы только по траурнымъ коймамъ газетныхъ объявленій. Въ такомъ случаѣ останется еще молить Господа Бога, чтобы Онъ, „сице и въ предняя не презирая“, чрезъ ангела смерти почаще „возвеселялъ“ признательныя сердца такихъ, какъ о. Гриневичъ, паннихидолюбивыхъ рабовъ Своихъ! Поистинѣ, преоригинальное толкованіе! Это своего рода головокружительное salto mortale, это какое-то гиперпневматическое созерцаніе недоступныхъ обыкновенному смертному высотъ христіанскаго благовѣстія. Должно быть, „здѣсь“ таится какая либо апокалипсическая „мудрость“ (Апок. 13, 18).

А что скажетъ о. Гриневичъ по поводу такихъ мѣстъ писанія, какъ, наприм.: „завѣщаемъ же вамъ, братія, именемъ Господа нашего І. Христа, удаляться отъ всякаго брата, поступающаго безчинно, а не по преданію, которое приняли отъ насъ“? (2 Сол. 3, 6). Отсюда выходитъ“, замѣчаетъ преосв.

Ософанъ въ своемъ толкованіи (см. его „Бесѣдовательное толкованіе втор. послан. къ Солунянамъ“, Моск., 1873, стр. 119), „что, по намѣреніямъ Господа и святыхъ апостоловъ, христіанскія общества всѣ, въ цѣломъ своемъ составѣ, должны быть *строгими исполнителями заповѣдей*, и что (стр. 120) отступленіе отъ сего повелѣнія бросаетъ тѣнь на само евангеліе, какъ бы на Самого Господа. Преданіе, какъ очевидно, означаетъ не ученіе, а *порядки жизни*, заведенные апостолами, и обнимаетъ *всѣ порядки*“ (стр. 123).—Другое мѣсто: „если кто видитъ своего брата, согрѣшающаго грѣхомъ не къ смерти, то пусть молится, и Богъ дастъ ему жизнь, то есть, согрѣшающему грѣхомъ не къ смерти: не о томъ говорю, чтобы онъ молился“ (1 Иоан. 5, 16). При самомъ благожелательномъ толкованіи апостольскихъ словъ, получается въ выводѣ лишь одно, что „апостоль только не дѣлаетъ обязательною молитву за согрѣшающихъ грѣхомъ къ смерти. Предложеніе: *ὁ περὶ ἐκείνης λέγει ἕνα ἐρωτήσῃ* могло быть такъ понимаемо читателями посланія только по соображенію съ наличною дѣйствительностью, при ясно выразившейся рѣзкости отношеній еретиковъ къ Церкви, какія существовали во время написанія посланія. При такихъ условіяхъ молиться объ обращеніи отпавшаго отъ Христа и его Церкви значило бы прилагать старанія къ тому, что, по собственному сознанію вѣрующихъ, *не принесетъ никакихъ благихъ результатовъ*“ (Сагарда Н. И., проф., „Первое соборное посланіе св. Ап. и Ев. Иоанна Богослова“, Полтава, 1903, стр. 626; ср. *Михаила* Еписк., Толковый Апостоль, Соборн. послан., Кіевъ, 1890, стр. 417. О грѣхѣ къ смерти, о Церквеотступничествѣ, разсуждаетъ *Probst Ferdinand*, Prof., въ специальномъ, по вопросу о церковной дисциплинѣ, сочиненіи: *Kirchliche Disciplin in den drei ersten christlichen Jahrhunderten*, Tübingen, 1873, S. 400).—„Къ однимъ будьте милостивы“, пишетъ св. *ап. Иуда* (ст. 22—23), „съ разсмотрѣніемъ, а другихъ *страхомъ спасайте*, исторгая изъ огня (обличайте же со страхомъ), гнушаясь, даже, одеждою, которая осквернена плотію“.—Въ церковной исторіи *Евсевія* содержится слѣдующее и вполне заслуживающее всякаго вниманія свидѣтельство объ *Оригенѣ*, этой неувыдающей красѣ нашей богословской науки, не меньше о. Гриневича разумѣвшемъ, что означаетъ собою *ratio legis*. Вотъ это мѣсто: „Оригенъ никогда не соглашался стоять вмѣстѣ съ нимъ (т. е., съ еретикомъ Павломъ) на мо-

литвѣ, потому что еще издѣтства хранилъ *правило церковное* и гнушался всякаго еретическаго ученія“ (*Евсевій*, Церковн. исторія, кн. 6, гл. 2, рус. пер. СПб., 1858, стр. 297). На возможное замѣчаніе, что въ приведенномъ мѣстѣ говорится о молитвѣ съ находящимся въ живыхъ еретикомъ, отвѣчу: тѣмъ болѣе, слѣдовательно, возбращается молитва о почившемъ въ нераскаяніи еретикѣ (основанія указаны мною въ „Хр. Чт.“ стр. 586 и сл.) и, притомъ, запрещается очень древнимъ правиломъ церковнымъ,—а это не пустякъ.

Для усиленія полемической атаки о. Гриневичъ ссылается, между прочимъ, на церковныя пѣсни изъ „Послѣдованія мертвеннаго мірскихъ тѣлъ“, чуть не проливая слезы о моемъ жестокосердіи и неспособности понять смыслъ православной панихиды. Перефразируя слова псалмопѣвца, замѣчу по поводу указанной ссылки: „ложь-требникъ во спасеніе“! Полемистъ оперся на острие коныя, что сейчасъ и откроется.

Извольте, отецъ оппонентъ, я готовъ вспомнить стихиру: „приидите, послѣднее цѣлованіе дадимъ, братіе, умершему“, „которую знаетъ (будто бы) каждый православный христіанинъ“. „съ ея выразительнымъ“: „благодаряще Бога“ (стр. 591). Какъ ни „выразительна“ стихира, однако, и ея выразительности оказалось недостаточно для того, чтобы о. Гриневичъ прозрѣлъ насчетъ одного только: стихира зоветъ его къ прощальному поцѣлюю бездыханнаго тѣла и къ молитвенному благодаренію Бога. Ну кто же, гдѣ и когда, именно, оспаривалъ у кого-либо право—исполнить этотъ послѣдній долгъ? Лобзайте, сколько хотите, хладныя уста и, какъ только можете, горячо „благодарите Бога“. Но, въ случаѣ—предъ вами иновѣрецъ, забудьте о *церковной* надъ нимъ панихидѣ, какъ бы ни нравились вамъ „идейное содержаніе и смыслъ“ ея, потому что ни въ первомъ, ни въ послѣднемъ рѣшительно нѣтъ никакихъ намековъ на панихиду, именно, по иновѣрномъ христіанинѣ, да ктому же и самое послѣдованіе (ошибочно названное о. Гриневичемъ панихидой, стр. 591) предварено яснымъ замѣчаніемъ: „скончавшуся кому *отъ православныхъ*“ (см. требникъ, гл. 16). Или „ничего“, сойдетъ?... О, *ratio legis*, какъ далеко опередило ты заблудившагося искателя!

Обратимся опять къ „Послѣдованію“, въ которомъ найдется, кромѣ „послѣдняго цѣлованія“ и благодаренія, нѣчто и такое, чего не хотѣла замѣтить „испытующая мысль“ воз-

ражателя. Такъ, наприм., въ погребальномъ канонѣ читаемъ:.. „Христе, его же отъ земли преставилъ еси *вѣрнаго*, вѣчныхъ благъ получить сподоби“ (пѣснь 1, троп. 1); еще: „законно пострадаша Твои мученицы, Жизнодавче... прилѣжно преставльшемуся *вѣрному* вѣчное избавленіе подають“ (п. 3, тр. 1); „благоволи свѣтло срѣсти Тебе, Избавителю, его же отъ земли пріялъ еси *вѣрнаго раба* Твоего“ (п. 6, тр. 2); раба Твоего къ Тебѣ *вѣрно отшедшаго* въ сладости райстей всели“ (п. 6, слава); „въ *вѣрѣ усопшаго* пріими нынѣ“ (п. 7, тр. 2); священнѣ житіе оставльшія *вѣрныя*... *пріими* кроткѣ упокоевая“ (п. 8, тр. 2):.. „преставльшагося *вѣрнаго сподоби*“ (п. 9, тр. 1); „Господь І. Христосъ Богъ нашъ, Иже божественныя заповѣди святымъ Своимъ ученикомъ и апостоломъ давай, во еже вязати и рѣшити падшихъ грѣхи... да прости тебѣ, *чадо духовное*, аще что содѣлалъ еси въ нынѣшнемъ вѣдѣ“ (изъ „Прощальн. молитвы“, чтомой „велегласно“, стало быть, во всеуслышанье!).

Пусть теперъ, послѣ сдѣланныхъ мною, по вызову самого оппонента, справокъ, послѣдній соблаговолитъ ясно и точно отвѣтить на слѣдующій вопросъ: *разумѣетъ ли самъ онъ, отецъ Антонъ Гриневичъ, „смыслъ православной паннихиды и ея богатое идейное содержаніе“?* Бросивъ мнѣ упрекъ въ „молодо-самоувѣренныхъ и явно-безнадежныхъ попыткахъ“ доказать неправомѣрность служенія паннихидъ по иновѣрцахъ, обличитель, не смотря на свой почтенный возрастъ, все еще не высвободился изъ прискорбнаго положенія нѣкоего „мужа мурина“ (Дѣян. 8, 27), уступая ему въ смиренномудріи, но зато первенствуя въ неразумѣніи того, „яже чтеть“, и „о чемъ подобаеть молиться“ (Рим. 8, 26).

Еще два слова о паннихидѣ. По переводу на русскій языкъ, „паннихида“ означаетъ „всенощное“ моленіе. И, дѣйствительно, паннихида построена по образцу всенощной. Но всенощное моленіе, какъ и всѣ церковныя службы, имѣетъ своимъ центральнымъ фокусомъ божественную *литургію*. Безъ нея вся совокупность ихъ теряетъ всякій смыслъ и значеніе. Наоборотъ, при ней и онѣ становятся жизненными и дѣйственными. Стало быть, и *молитвенное значеніе паннихиды находится въ неразрывной связи съ божественной литургіей* и, естественно, простирается только на тѣхъ, которые принадлежатъ къ православной церкви, какъ вѣрной хранительницѣ Христова ученія о высочайшемъ таинствѣ евхаристіи.

Представьте себѣ теперь, вдумчивый читатель, о. Гриневича, вынимающаго частицы на проскомидіи за усопшихъ римско-католика, за лютеранина, за реформата. Первый, какъ „добрый католикъ“, хотя и грубо, однако ближе другихъ своихъ, отдѣлившись отъ Церкви, собратьевъ вѣруетъ въ таинственное пресуществленіе проскомидійныхъ хлѣба и вина въ истинныя тѣло и кровь Христовы. (*Хомяковъ А. С.*, Полное собраніе сочин., Москва, 1886, Т. II, стр. 132, изъ пис. 2-го „О зап. вѣроисповѣдан.“). Но, что касается лютеранина, то, по его взгляду, нѣтъ пресуществленія, а Христосъ таинственно только присутствуетъ *in, cum, sub specie*; а реформатъ, даже, и въ это не вѣруетъ: евхаристія для него—скромныя поминки, да и все тутъ. Но отцу Гриневичу рѣшительно нѣтъ ни какого дѣла до конфессіональныхъ различій. Подобно тому, какъ сильнымъ ударомъ обуха плотникъ вгоняетъ острый клинъ въ расщелину, съ цѣлью расколоть крѣпкій чурбанъ, такъ и упорный оппонентъ остріемъ копія вынимаетъ частицы за иновѣрцевъ, неумѣстно противопоставляя свое излишнее усердіе безмолвію гробового покоя. Вотъ ужъ, подлинно, *слапотствующее исполненіе Христовой заповѣди*: „убѣди внити“! (Лк. 14, 23).

Ничего подобнаго не вѣдала православно-христіанская церковь съ самыхъ древнихъ лѣтъ своего существованія. Она приносила безкровную жертву *только за почившихъ въ мирѣ съ ней*, Церковію, чадъ своихъ. Все это хорошо извѣстно каждому, хотя сколько-нибудь знакомому съ чиномъ древнихъ литургій. Нѣмыми свидѣтелями высказываемыхъ мыслей служатъ древнѣйшія *надписи* на могильныхъ памятникахъ въ христіанскихъ катакомбахъ. Нѣсколько краткихъ строкъ, начертанныхъ на мѣстѣ послѣдняго упокоенія, являются весьма характернымъ свидѣтельствомъ о христіанскомъ вѣроученіи, какъ о весьма *стройной системѣ отъ начала до конца*, съ перваго дня вступленія вѣрующаго въ православную Церковь и до погребенія его подъ могильною плитою, съ такою надписью на ней, содержаніемъ которой свидѣствуется принадлежность почившаго Церкви, до послѣдняго своего вздоха. Православные христіане твердою, а не дрожащей отъ неувѣренности рукой начерчивали такія, напр., строки: *Attice, dormi in pace, de tua incolumitate securus* (*De Rossi*, *Bullettino*, 1894, p. 58); *Suti, pete pro nos (sic) ut salvi simus* (*Marangoni*, *Acta S. Victoriani*, p. 90); *εὖ γοῦ ὑπὲρ ἡ(μῶν μετὰ τ)ῶν ἀγίων* (*De Rossi*,

Bullettino, 1890, p. 143); *in pace spiritus Silvani etc* (см. у *Kirsch'a*, Die Lehre von der Gemeinschaft der Heiligen im christl. Alterthum, Mainz, 1900, SS. 56. 57. 111 и а.). И эти надписи состоятъ въ связи съ церковно-евхаристійными молениями православныхъ за почившихъ въ вѣрѣ собратьевъ своихъ. Тогдашній служитель алтаря не двоился въ своихъ дѣлахъ и помыслахъ. О томъ, за кого онъ вынималъ проскомидійную частицу, убѣжденно гласила и могильная надпись: „почій въ мирѣ, ибо ты остался вѣрнымъ чадомъ св. Церкви: мы молимся за тебя, и ты молись за насъ, присныхъ тебѣ по вѣрѣ“. Думается, что, даже, и у о. Гриневича не достанетъ смѣлости, при всемъ его усердіи къ проскомидійному поминовенію ино-вѣрцевъ (на основаніи „письма Филарета“ къ нѣкому „Виталию“! стр. 587), помѣстить на ихъ могилахъ подобныя приведеннымъ надписи, потому что ни р.-католикъ, ни лютеранинъ, ни реформатъ *не суть „вѣрные“* въ церковномъ смыслѣ этого слова, почему не могутъ называться и „почившими въ мирѣ“ и молитвенно ходатайствовать „за вѣрныхъ“ предъ Богомъ. Несообразность въ одномъ неизбѣжно ведетъ къ тому же и по всей линіи.

„Испытующій сердца и утробы взглядъ“ о. Гриневича проникнулъ, даже, и въ мою совѣсть, открывъ въ ней какую-то „своеобразную этику“ (стр. 589). Если то угодно полемисту, то я, дѣйствительно, своеобразенъ въ томъ смыслѣ, что не пожимаю, подобно нѣкоторымъ „современнымъ“ дѣятелямъ, пышныхъ лавровъ моднаго мыслителя и, кажется, имѣю полное право сказать о себѣ, что ни въ государственныхъ, ни въ церковныхъ вопросахъ нисколько не одобряю *политики открытыхъ дверей*. Не она ли, скрывавшаяся такъ долго за красивыми ширмами либерализма („законность, братство, равенство“!), привела насъ къ невообразимымъ ужасамъ борьбы государственной власти съ такъ называемымъ „народнымъ самоопредѣленіемъ“? Пора и полезно было бы и намъ, пастырямъ Христова стада, кое-чему научиться изъ преподанныхъ современными событіями уроковъ. Но что подѣлать съ такими, какъ о. Гриневичъ, „современными“ людьми, готовыми съ легкимъ сердцемъ привить, какъ опасную заразу, и къ Церкви ту самую „толерантность“, ядовитыя дѣйствія которой оказались настолько пагубными для государственнаго организма! Не пора ль намъ отрезвиться отъ одурманивающаго угара и понять, наконецъ, что какъ право-

славное христіанство не представляетъ изъ себя какую-то синкретическую систему вѣроученія, а есть положительная и самодовлѣющая религіозная истина, такъ и носящая такое же названіе наша Церковь не должна представляться какой-то кумирней, съ широко открытыми дверьми для какихъ хотите божествъ и посвященныхъ имъ культовъ. *Не будемъ смѣшивать истинно-христіанскую въротерпимость съ бездушинымъ индифферентизмомъ.* Чтобы утверждать неразрывную связь между первой и панихидослуженіемъ по почившихъ иновѣрцахъ, для этого, вѣдь, требуется напередъ утратить всякое разумѣніе своей вѣры и потерять всякое уваженіе къ св. Церкви и къ самимъ себѣ, въ качествѣ ея богопоставленныхъ служителей!...

Нисколько не сомнѣваюсь, что „испытующая мысль современнаго“, въ лицѣ о. А. Ю. Гриневича, „человѣка не затруднитея“ и теперь „подвергнуть безпощадной критикѣ“ вышеизложенныя разсужденія по спорному предмету. Но содержаніе послѣдней, какъ оно болѣе, чѣмъ достаточно выяснилось изъ текущей полемики, ничтожно-пусто; бурное теченіе некстати приводимыхъ соображеній направляется вопреки законовъ здравой логики; священно-библейскій экзегезисъ находится подъ гипнозомъ *idée fixe*; изложеніе въ высокой степени неуклюже; грамотность въ непримиримой враждѣ съ самыми элементарными требованіями русской грамматики, и только одно напыщенное самомнѣніе гнѣвнаго полемиста пока еще придаетъ послѣднему силъ тянуть свой полемическій возъ. Смотри на изнемогающаго подъ бременемъ полемиста, я менѣ всего расположенъ „выѣзжать на чужихъ силахъ“ (стр. 583) и откровенно заявляю, что, дѣйствительно, „не умѣю“, да и не берусь „управлять“ такимъ „возомъ“, предоставляя эту честь другому возничему, у котораго не такъ „коротки“, какъ мои, „руки“ для необходимаго понуканія одной „силы“, и болѣе остро зрѣніе для того, чтобы поповшій въ трясину „возъ“ направить, наконецъ, на торную дорогу.

Проф.-прот. Е. Аквилонъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Подразделениями академии являются: собственно академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский Амвросий. Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки